

лесостепного Зауралья, основанным на методах индуктивной статистики (кластерный, факторный и дискриминантный анализы). Вопросам археологии и истории погребальных памятников нового времени посвящены доклады *С.А. Перевозчиковой* (Ижевск); *В.Я. Темплинга* и *И.В. Усачевой* (Тюмень). Отдельный тематический блок составили антропологические доклады. *И.Р. Газимзянов* (Казань) и *А.А. Хохлов* (Самара) дали характеристику средневекового населения Самарского Поволжья по материалам Малорязанского некрополя второй половины XIII–XIV в. *Н.Г. Брюхова* (Пермь) проанализировала материалы Плотниковского могильника XIII–XV вв. *А.Ю. Мефодьева* (Самара) рассмотрела отдельные аспекты здоровья населения Самары по антропологическим материалам Всесвятского некрополя.

На секции истории и теории археологии было заслушано пять докладов. Общетеоретический характер носило выступление *О.М. Мельниковой* (Ижевск). В нем рассматривались механизмы сохранения в обществе памяти об археологических памятниках и участии профессионального научного сообщества в конструировании образов исторической памяти. Истории археологического исследования памятников бассейна Дона в первой половине XX в. посвящены доклады *А.Н. Бессуднова* (Липецк) и *Е.Ю. Захаровой* (Воронеж). Об истории уральских археологических школьных конференций (1988–2018 гг.) рассказали *А.В.* и *О.В. Непомнящие* (Полевской) и *С.В. Марков* (Челябинск). Авторы призвали участников УАС к активной работе со школьниками. В выступлении *Ф.Н. Петрова* (Челябинск) рассматривались четыре стратегии популяризации археологического наследия на примере Челябинской области.

Самарский государственный социально-педагогический университет

Самарский национальный исследовательский университет

Самарский областной историко-краеведческий музей

Институт археологии РАН, Москва

После окончания работы секций был организован круглый стол “Проблемы сохранения археологического наследия Волго-Уралья в свете новых изменений в законодательстве”. Тон обсуждению задало выступление *Г.А. Степановой* (Ижевск), поделившейся своим опытом проведения историко-культурной экспертизы и ее реализации в производственной и законодательной практике. Особое внимание в выступлениях было уделено изменениям в законодательной базе, связанным с проведением историко-культурной экспертизы. Участники круглого стола единодушно поддержали мнение о необходимости сохранения обязательной историко-культурной экспертизы при проведении работ, связанных с масштабным освоением земельных участков.

Участники заседаний отметили ряд тенденций, проявившихся при проведении XXI УАС: увеличение количества докладов на секции каменного века и заметное сокращение — по средневековью (в связи с финансовыми причинами, отсутствием координации в организации крупных региональных и всероссийских конференций по средневековой тематике). При обсуждении докладов на секциях раннего железного века и средневековья отмечена малая доля исследовательских археологических работ на поселениях. Позитивная черта — почти половину выступавших на секции каменного века составили молодые ученые, аспиранты и магистранты.

Участники конференции познакомились с основной экспозицией СОИКМ им. П.В. Алабина, в том числе с новой экспозицией по археологии, а также с археологическими материалами из фондов музея и археологической лаборатории СГСПУ. Работа УАС широко освещалась в средствах массовой информации региона.

А.А. Выборнов, В.Н. Мышкин, М.А. Турецкий

С.Э. Zubov

А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков

С.В. Кузьминых

РАСПАД ИМПЕРИЙ И СУДЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИИ В ГОСЛАРЕ

19–22 марта 2019 г. в Германии в городе Госларе состоялась Международная научная конференция “Europäische Archäologie am Wendepunkt der Epochen (1918 – Ende der 1920er Jahre): Von der nationalen Idee zur nationalen Wissenschaft”. Инициатором ее проведения выступали Германский археологический институт и Институт археологии РАН. Тема научной встречи была выбрана не случайно. С одной стороны, она продолжает начатые ранее исследования в сфере международных археологических контактов¹ и влияния политики европейских государств на археологи-

ческое знание, с другой — фокусирует внимание на вопросах, имеющих острую общественную значимость и интеллектуальную злободневность.

Организаторы конференции выбрали отправной точкой для обсуждения 1918 год. Первая мировая война ознаменовалась не только глубокими политическими потрясениями и перекройкой границ в Европе и на Ближнем Востоке. Она резко изменила интеллектуальную инфраструктуру, статус ученого и научного знания. Распад Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй предопределил создание национальных научных школ, которые оказались включенными в процессы образования новых государств и конструирования их идентичностей. Пожалуй, как никогда прежде, археология оказалась вплетена в общественно-политический контекст. Разумеется, чтобы разобраться в этих

¹ Конференции “Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.”, Марбург-на-Ланне, Германия, 2009 г.; “Немецкие имена в российской науке: археология и этнография”, Екатеринбург, Россия, 2014 г.; “Геро фон Мергарт. Археологи в Первую мировую войну”, Инсбрук, Австрия, 2016 г.

сложных процессах, требуется обратиться к предшествующим периодам, а потому прозвучавшие доклады не были строго привязаны к вынесенной в название конференции эпохе.

Участниками научной встречи стали ученые из Германии, России, Австрии, Венгрии, Латвии, Украины и Румынии. Это позволило дать широкий географический срез, показать особенности развития национальных археологических школ, сравнить их специфику. Тем самым стало возможным взглянуть на развитие археологического знания в транснациональной ретроспективе.

Город Гослар за пределами Германии известен не всякому, между тем он в числе главных исторических городов страны. Именно здесь располагалась одна из ставок императора Священной Римской империи. Об эпохе средневекового величия сегодня напоминает прекрасно сохранившийся императорский дворец — «кайзерпфальц». Местом проведения заседаний был избран уникальный исторический объект — музей рудника Раммельсберг, вместе с историческим центром Гослара включенный в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Здесь на протяжении тысячи лет велась добыча полиметаллических руд, а в истории рудника нашли отражение сложные взаимодействия человека и природы, власти и общества, экономики и технологий.

Этим вопросам был посвящен доклад директора музея Раммельсберг *Г. Ленца (Gerhard Lenz)*, открывшего заседание. Он отметил, что в начале XX в. технические новации позволили рационализировать добычу за счет внедрения электрификации. Но процесс обогащения руды оставался технически несовершенным. Потому во время мирового экономического кризиса 1920-х годов был поставлен вопрос о закрытии рудника из-за его неэффективности. Пришедшие к власти нацисты попытались реализовать здесь свои идеологические цели, добившись кредитов на модернизацию (120 млн евро в современном исчислении). Их стремления трудно признать экономически эффективными, но они полностью вписывались в идеологию самообеспечения. Примечательно, что производственные корпуса были перестроены в духе национал-социалистической эстетики. Лишь после Второй мировой войны было принято решение о музеефикации объекта.

Доклад *Б. Говедарицы (Blagoje Govedarica)* (Берлин) обрисовывал развитие археологических знаний в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Автор подчеркнул утопизме идеи югославизма, стремившейся сшить из лоскутного одеяла балканских славян единое государство. Археологии в этом процессе отводилась особая роль, поскольку она служила одним из обоснований новой идентичности. На западе и северо-западе страны уровень развития интеллектуальной инфраструктуры был довольно высок. Его поддерживала сеть музеев, среди которых особо выделялся музей в Сплите, неразрывно связанный с Фране Буличем. В Хорватии и Далмации была отлажена работа служб по охране памятников (Йосип Бруншмидт). В Сербии и Черногории едва ли не единственным центром археологической науки был Белград. Говедарица подробно остановился на деятельности Милое Васица (вел систематические исследования поселения Винча — Бело брдо), отметил введение им в полевую практику новых методов раскопок, указал и на его ошибки. Васиц считал Винчу ионической колонией, тогда как в действительности памятник являлся неолитическим поселением. Отмечена также деятельность Николы Вулича и Миодрага Грбича. Последний был учеником Любомира Нидерле и прославился раскопками в Старчево.

А. О. Наглер (Anatoli Nagler) (Берлин) и *Е. В. Демлова* (Красноярск) привлекли внимание к истории возникновения и развития научной школы Геро фон Мергарта. Они отметили, что ее становление проходило в условиях глубоких исторических трансформаций. Нахождение Мергарта в Красноярске, в русском плену в годы Первой мировой войны, определило сибирский вектор его исследований — именно там сформировались его научные интересы. Австрийский ученый убедился, что преистория не изолирована, не может быть замкнута в национальных рамках, а потому для ее осмысления нужны совместные усилия ученых разных стран. Так было положено начало единственной в Европе того времени интернациональной научной школе в университете Марбурга. При этом авторы показали, что Мергарту пришлось пожертвовать статусом ученого в пользу статуса педагога, но это позволило закрепить интеллектуальное влияние школы в разных частях Европы и сформировать особую сетевую структуру.

С. В. Палиенко (Киев) рассказал об институциональном развитии археологии в Советской Украине в 1920-е годы, показал особенности этого процесса в центре и на местах (Киев, Харьков, Одесса) и отметил сильное воздействие политического контекста на научную жизнь. Еще в годы Гражданской войны нестабильность власти прямо влияла на охрану памятников. Большевики создали Всеукраинский комитет охраны памятников искусства и старины, который был закрыт перед наступлением А. И. Деникина, но затем создан снова. Среди негативных факторов, тормозивших развитие археологической науки, Палиенко назвал частые реорганизации и бюрократизацию. Достижения тех лет были в значительной мере стерты репрессиями 1930-х годов.

И. Фодор (István Fodor) (Будапешт) показал, что научное поле Габсбургской империи было многомерным, а потому не существовало единой австро-венгерской археологии. В Венгрии центром археологии был Национальный музей, основанный в 1802 г., именно туда попадали лучшие находки. В 1834 г. в районе Кечкемета был найден первый памятник древних венгров — захоронение с конем. В 1895 г. Гёза Надь указал, что в этом могильнике захоронены не только древние венгры. Это усилило интерес к эпохе Великого переселения народов в ее многомерности и сложности. Но археология долгое время оставалась исключительно любительским делом. К концу XIX в. в каждом из 48 округов (комитатов) существовали общества любителей истории и археологии. Гимназические учителя знали латынь и греческий, а потому могли читать источники и эпиграфические памятники. Почти все эти общества прекратили существование после падения империи и перекройки границ. Показательна печальная история Музея археологии при университете в Колошваре. Он был создан в 1859 г., стал одним из важнейших центров по изучению древностей. Но в 1918 г., когда город был отдан Румынии и переименован в Клуж, университет был закрыт. Археолог Бела Пошта умер от инфаркта в тот момент, когда в университет пришли румынские солдаты. Среди важных фигур венгерской археологии были названы имена Андраша Альфёльди (идентифицировал гуннские находки, прежде приписываемые аварам) и Нандора Феттиха (создал надежную хронологию эпохи Великого переселения народов). Их судьбы также отражали драматические перипетии исторических процессов XX в.

К. Тойне-Фогт (Claudia Theune-Vogt) (Вена) остановилась на развитии археологии в межвоенной Австрии, уделив особое внимание воздействию на нее политики и идеологии. Главным центром археологической науки являлась

Вена, но заметны были также Инсбрук и Грац. Она отметила, что одним из отягчающих факторов интеллектуальной жизни той поры был антисемитизм. После смерти Морица Гёрнеса центральной фигурой в археологии стал Освальд Менгин, который поддерживал идеи национал-социализма. При его участии 2200 студентов-евреев были отчислены из университета. Еще до аншлюса Менгин не скрывал германофильских убеждений, что отражалось в названиях его работ (сборник “Дух и кровь”). Ему вторил Эдуард Бенингер — один из организаторов выставки “Восточная марка — германская территория”. Рудольф Мух своими работами пытался доказать превосходство арийской расы. Националистически настроенные археологи группировались вокруг объединения “Медвежья берлога”.

А. Вакс (Andreis Vasks) (Рига) отметил, что становление археологии в межвоенной Латвии происходило не на пустом месте. Еще с царских времен существовали разные общества любителей истории и археологии, в 1896 г. в Риге прошел X Всероссийский археологический съезд. В археологию втягивались представители нарождающейся латышской интеллигенции. Но только с 1920 г. в стране началось создание археологической инфраструктуры, в Этнографическом музее был создан отдел археологии. Первой кафедрой археологии заведовал М. Эберт из Кёнигсберга, затем его сменил приехавший из России Ф.В. Баллод (Балодис). В 1923 г. принят закон об охране памятников и упорядочен регламент раскопок. С этого времени латвийская археология была направлена в современное русло. Поначалу раскопки имели эпизодический характер, к ним привлекались школьные учителя и ученики, поскольку не хватало профессиональных кадров. Создавались школьные музеи. Главным образом изучались могильники железного века. Среди поселенческих памятников наиболее значительные исследования проведены на городище Танискалнс в 1927 г. Важную роль играли контакты с исследователями соседних стран (А.М. Тальгрэн, Б. Нерман, А.А. Спицын, В.А. Городцов и др.). С конца 1920-х годов начались стажировки латвийских археологов за границей. В 1930 г. в Риге состоялся II Конгресс балтийских археологов. В 1929 г. начал издаваться журнал “Senatne”, но из-за разразившегося экономического кризиса вышло только два номера. В докладе отмечено, что основная проблематика латышских археологов была связана с культурно-исторической антропологией и этнической историей (балтийские племена в древности и средневековье).

Х. Хассманн (Henning Hassmann) (Ганновер) коснулся развития доисторической археологии в Германии в конце XIX — начале XX в. В это время обостряется вопрос о немецкой идентичности — она выходит на первый план в научных исследованиях. Именно на этой почве вырастают идеи Густава Коссинны. Археология должна была доказать территориальные притязания Германии, наука пассивно или активно закрепляла идеологию крови и почвы. Вместе с тем германская археология не была единой ни идейно, ни структурно. Показательно, что не существовало единого законодательства об охране памятников. Вместе с тем особую роль в деле их сохранения играли большие музеи.

Два доклада были посвящены развитию археологии в столицах России. *С.В. Кузьминых* и *И.В. Белозёрова* (Москва) обрисовали научную инфраструктуру московской археологии перед революцией и в 1920-е годы. Сама по себе смена власти в октябре 1917 г. не была катастрофой. Главнейшим лейтмотивом деятельности ученых тех лет являлось сбережение традиций русской науки и культуры. Основные силы археологов Москвы были сосредоточены в Историческом музее, Институте археологии и искусствознания

РАНИОН, Московской секции РАИМК—ГАИМК, Институте и Музее антропологии 1-го МГУ. Важнейшую роль в текущей деятельности московских археологов в 1920-е годы играло сотрудничество с Археологическим подотделом Музейного отдела НКП РСФСР. Связующим звеном во взаимодействии данных учреждений был В.А. Городцов. Его пост руководителя Археологического подотдела фактически был сродни должности “государственного” археолога страны. Административная, педагогическая и музейная деятельность Городцова в те годы сыграла ключевую роль в судьбах не только московской, но и советской археологии в целом. Ему удалось влить свежую кровь в плохо структурированную и разношерстную среду археологов Москвы. В 1-м МГУ он выпестовал несколько выпусков талантливой и работающей молодежи. Они пришли на работу в ГИМ, Институт и Музей антропологии МГУ, другие музеи страны. Многие из них стали аспирантами и сотрудниками ИАИ РАНИОН, а в дальнейшем составили костяк МО ГАИМК—ИИМК.

И.Л. Тихонов (Санкт-Петербург) рассказал о положении археологии в Петрограде, отметив заметные кадровые потери среди ученых в послереволюционные годы. В Петрограде, в отличие от Москвы, не было единого центра археологии и единого лидера — археология была полицентрична. Особую роль в ее развитии играл личностный фактор. Так, один из руководителей ГАИМК Б.В. Фармаковский был с детства знаком с В.И. Лениным, что обеспечивало РАИМК—ГАИМК определенный патронаж. В составе Академии был создан Институт археологической технологии, привлекавший к работе ученых-естественников. В 1927 г. прошла эллино-скифская выставка в Эрмитаже, одним из создателей которой стал Г.И. Боровка. Это была первая комплексная выставка, построенная на принципах историзма. Достижения в науке в тот период были связаны исключительно с инициативами самих археологов. Национализм мог проявляться в национальных образованиях СССР, а среди русских археологов он скорее подавлялся под флагом борьбы с “великодержавным шовинизмом”.

М.В. Ковалев (Москва) обратился к сообществу русских археологов, оказавшихся в эмиграции. Он показал специфику развития разных научных центров, остановился на деятельности Археологического института имени Н.П. Кондакова, Русского археологического общества в Югославии, Общества по изучению Маньчжурского края и др., а также ряда персон. Отмечено, что главной особенностью русской археологии за границей была практически полная невозможность организации раскопок, оторванность от прежнего изучаемого материала, что предопределило для многих ученых уход из активной научной работы. Вместе с тем в эмиграции продолжался международный интеллектуальный диалог — свидетельством тому контакты русских эмигрантов с Э. Миннзом, А.М. Тальгреном, Н. Феттихом и др.

К.А. Руденко (Казань) остановился на особенностях развития провинциальной археологии в России. На примере Казани он обрисовал исторические предпосылки археологических исследований в этом городе, особо коснулся роли университета и двух его научных обществ — естествоиспытателей и археологии, истории, этнографии. Важным стимулирующим мотивом развития местной археологии стало начало раскопок Болгара. В 1890 г. была составлена первая археологическая карта Казанской губернии. В 1920-е годы главное внимание было обращено на изучение памятников булгаро-татарской культуры.

В докладе *Д.В. Серых* (Санкт-Петербург) и *С.П. Шавелёва* (Курск) продолжился разговор об археологических

организациях в российской провинции. Было показано, что серьезные раскопки чаще всего проводились столичными учеными, так как на местах не хватало профессионалов. Научные выводы часто делались по случайным находкам. Централизация науки в 1920-е годы дала возможность объединить усилия столичных и провинциальных ученых. Происходило перемещение в регионы московской и петроградской интеллигенции, на местах возникали университеты. Реформы советского времени авторы, тем не менее, признают негативными. В науку приходит «отряд дилетантов». Развитие краеведческого движения во многом происходило вопреки политике государства. Для его судеб крайне негативные последствия сыграли репрессии против краеведов.

С. Хансен (Svend Hansen) (Берлин) осветил борьбу за власть и авторитет в археологии между крупнейшими фигурами германской археологии начала XX в. Г. Коссинной и К. Шухардтом. История эта часто понималась превратно, как борьба «хорошего» и «плохого» праисториков. Личность Шухардта пока недостаточно изучена. Основным источником является его автобиография, написанная в возрасте 80 лет. Он начинал раскопки на Трояновом вале в Молдавии, затем работал в Пергаме. Хансен показал, что идейное противостояние было довольно сложным и прямолинейным: оно отражало состояние германской археологии того времени, демонстрировало конкуренцию и различные течения внутри научного сообщества.

В продолжение данной темы *С. Бурмейстер (Stefan Burmeister)* (Брамше-Калькризе) показал, что уже современники критиковали Коссинну, тем не менее его учение прочно утвердилось. Хорошо известно, что концепция Коссинны увязывала конкретную территорию с конкретным народом. Автор доклада поставил целью изучить духовные корни этой археологии и пришел к выводу, что уже для своего времени она не была оригинальной. Истоки ее видятся в глубинах истории, в разобщенности немецкого народа и попытках интеллектуалов собрать его воедино. Отсюда рецепции «Германии» Тацита, влияние идей просветителей, общественное движение 1830–1840-х годов, национальная унификация 1870-х годов. Потому «национальная наука» Коссинны выросла на подготовленной почве.

И. Онпу (Ioan Opris) (Бухарест) коснулся вопросов развития археологии в Румынии на рубеже XIX–XX вв. Его внимание привлекла деятельность Александра Одонеску — первого профессионального археолога в Университете Бухареста. Другой важной фигурой стал Григорий Тучелеску, проводивший раскопки в Добрудже. Он пропагандировал латинское происхождение румын. Таким образом, в развитии румынской археологии тесно увязывались проблемы конструирования национальной и исторической идентичности и научные поиски.

В ходе обсуждений поднимались вопросы, важные не только для осмысления истории археологии, но и дня сегодняшнего. Б. Говедарица подчеркнул, что в 1920-е годы археология стала национальным проектом, и задался вопросом: можно ли было этого избежать? Понятно, что развал империй и обретение самостоятельности народами Восточной Европы предопределили национальный характер археологий. Но даже в современном мире археология часто

«национализируется», причем велика в этом процессе негативная роль средств массовой информации. Вторя коллеге, С.В. Палиенко отметил, что на Украине, по сути, происходит воскрешение идей Коссинны, общественная и политическая среда продолжает влиять на археологию. А. Наглер заметил, что 1918 год можно считать важной датой в истории археологической науки. Это было время рождения современной археологии, но одновременно она стала служанкой национализма. Ученое сообщество в ту пору отнеслось к этому не критически. Потому и сегодня возрождаются националистические мифы, например на Кавказе. Процессы эти страшны тем, что в итоге ведут к крови. Современная археология прикладывает мало усилий для борьбы с этими опасными явлениями. Археологи должны ответственнее относиться к тому, что они делают. Поддержав эти высказывания, Палиенко заметил, что особенно пугает то, что современные националистически мыслящие археологи искренне верят в правильность своих идей и поступков. К. Тойне-Фогт с оптимизмом заметила, что у археологии не бывает простых интерпретаций, но современное общество способно понимать сложные проблемы. И. Фодор выразил мысль, что сегодня происходит возврат к старым националистическим моделям археологии, которые даже в пору господства коммунистической власти обычно пресекались. Он считает, что остановить националистическую пропаганду — не в силах ученого сообщества, но помогать, потакать этой пропаганде нельзя. Нужна популяризация настоящей науки, что крайне непросто в силу разрушения или перестройки научной инфраструктуры. В сегодняшней Венгрии идет процесс лишения реальных прав Академии наук. Гуманитарные науки способны противостоять авторитаризму, а потому их отодвигают на второй план. Вместо этого торжествует псевдонаука или идеология, часто поддерживаемая властью. В качестве примера он привел принятие венгерского премьер-министра Виктора Орбана в Тюркскую академию. Х. Хассманн заметил, что все же не журналисты, а археологи создают мифы. Мифотворчество межвоенного времени он объяснил относительно слабым развитием археологии. И.Л. Тихонов отметил, что 1920-е годы стали временем резкого обострения националистических тенденций в археологии. У политиков всегда был, есть и будет социальный заказ, они всегда будут апеллировать к археологии. Однако и сами ученые нередко готовы включаться в эту игру. Трудно, наверное, найти больших антиподов, чем Г. Коссинна и Б.А. Рыбаков. Но советский академик в своих построениях руководствовался тем же самым ретроспективным методом. И глядя в прошлое, нужно признать, что сегодня как никогда важны научная честность и ответственность.

Подводя итог, участники конференции выразили признательность и благодарность Германскому археологическому институту, Институту археологии РАН и музею Рамельсберга за организацию встречи, отметили важность обсуждаемых проблем для современной археологии и высказали пожелание продолжить диалог о судьбах европейской археологии в предвоенное десятилетие. Евроазиатский отдел поддержал предложение по изданию материалов конференции в одном из ближайших выпусков альманаха «Eurasia Antiqua».

Красноярский краевой краеведческий музей

Институт всеобщей истории РАН, Архив РАН, Москва

Институт археологии РАН, Москва

Германский археологический институт, Евроазиатский отдел

Е.В. Детлова

М.В. Ковалев

С.В. Кузьминых

А.О. Наглер